

- *Какое место на земле вам милее всего?*
- Минск, затем Санкт-Петербург.
- *Вопрос, который вы хотели бы задать себе и ваш ответ?*
- Ну и что же такое жизнь? И мой ответ — сладкое и краткое свидание с Землей.

Татьяна Мушинская — Юлия Чурко

К 85-ЛЕТИЮ

2021 г.

В каждом виде творчества существует на самом деле очень мало тех авторитетных специалистов, которых знают все, кто так или иначе профессионально своими ежедневными заботами связан с этим видом и жанром. Юлию Михайловну Чурко, доктора искусствоведения и профессора, знают все, кто в Беларуси имеет отношение к танцу. Причем танцу самому разному — академическому, народному, бальному, contemporary dance. Знают артисты и солисты балета наших театров, хореографы, дирижеры, репетиторы. Студенты и преподаватели Белорусской академии музыки и Университета культуры и искусств. Теоретики и практики. Культурологи, историки культуры, менеджеры фестивалей и руководители хореографических коллективов.

Статьи и рецензии, написанные Юлией Чурко оперативно, блестящим слогом, всегда читались профессиональной публикой внимательно, а иногда и придирчиво. К ее выступлениям на обсуждении фестивальных программ, жюри конкурсов всегда прислушивалось. Ее многочисленные монографии до сих пор штудируют, анализируют, к ним обращаются. Почему? Да потому, что они дают срез и панораму развития танца в Беларуси на протяжении всего XX века.

Как объяснить такой феномен? Исключительно профессионализмом. Интеллектуальностью, широчайшей эрудицией. Умением

меняться, развиваться и соответствовать духу времени. Способностью быть востребованной и по-прежнему интересной новому поколению артистов и зрителей.

Само имя — Юлия Чурко — вызывает в моей памяти множество самых разных впечатлений и ситуаций. Помню, с каким интересом ловила я в печати ее рецензии на новые балетные спектакли. Они аккуратно вырезались и складывались в папочку. Они не по одному разу перечитывались. И, как ни странно, позднее оказались очень нужны, когда я сама начала писать о балетных артистах.

Потом кто-то показал — издаека, конечно! — Юлию Михайловну «вживую». Она шла по улице Янки Купалы вместе с Александрой Васильевной Николаевой, народной артисткой и звездой белорусского балета. Как сейчас помню, Чурко была одета в костюм горчичного цвета. Вязаный, ажурный и очень элегантный.

Поскольку в те времена я занималась у Николаевой в студии классического танца, то мне было интересно все, что связано с моим педагогом. Было известно, что Чурко — племянница Николаевой. Видимо, в свое время это повлияло на выбор профессии (поскольку Юлия Михайловна и училище хореографическое окончила, и в нашей балетной труппе танцевала, и сольные партии исполняла). Но не думаю, что их точки зрения и оценки спектаклей, творчества отдельных солистов часто совпадали.

Когда я, студентка 2-го курса журфака, принесла Борису Бурьяну, известному критику (он возглавлял отдел театра в еженедельнике «ЛіМ»), свою первую рецензию на балетный спектакль, он, видимо, не знал, что с ней делать. И отправил на консультацию к Чурко. Юлия Михайловна посоветовала, что убрать, что сократить, какие идеи развить. И — о, чудо! — в итоге статья была напечатана.

Когда позднее я работала в том же «ЛіМе», Борис Бурьян однажды произнес фразу: «Юлия Чурко — одно из лучших перьев во всем Советском Союзе!» Понятно, такие оценки дорогого стоят, ими не разбрасываются. Тем более критиков, пишущих об искусстве, в те времена хватало. Театральные рецензии были престижным занятием. И нередко влияли на судьбы артистов и постановщиков.

В 1990-е годы в Доме работников искусства, том, который рядом с Домом офицеров, часто собиралась секция хореографии БТО (Белорусского театрального общества, название «СТД» появилось позднее). Секцию возглавляла Юлия Михайловна. Раз в месяц мы точно собирались, иногда чаще. Профессор приносила новые видео с самыми свежими и крутыми балетными спектаклями. Мы смотрели, осуждали, обменивались впечатлениями. Это были очень полезные и нужные встречи — они расширяли кругозор, давали возможность увидеть, пока еще не появился Интернет, спектакли хореографов других стран.

В 1990-м ездили втроем — Юлия Михайловна, хореограф Наталья Фурман и я — в Москву, чтобы вживую посмотреть спектакли Джона Ноймаейра, классика мировой хореографии. Его труппа тогда приехала в Россию на гастроли. Сейчас такие творческие путешествия, особенно когда их организует для тебя театральная структура, воспринимаются чем-то фантастическим.

С того времени случилось множество встреч, разговоров с Юлией Михайловной — по телефону и вживую. Мне всегда imponировал ее оптимизм, источником которого является, на мой взгляд, не только природа и собственный характер, но и сам вид ее искусства — танец, динамика, в которой движение чувства тесно связано с движением мысли.

Я всегда восхищалась продуктивностью научной, искусствоведческой, критической работы профессора Чурко. И в книжном шкафу у меня собралась целая полка книг, написанных, а часто и подаренных доктором наук. И среди них не только научные издания, но и увлекательная проза — повести и рассказы. Меня всегда привлекал ее позитив, ее светскость, которой в белорусских реалиях много не бывает.

А вот как она работает? Как организывает свой день? В чем ищет и находит источники творческого вдохновения? Некоторые профессиональные секреты ученого раскрывают, как мне кажется, две мои давние публикации 2006 года. Одна, интервью перед юбилеем Юлии Михайловны, — в еженедельнике «Культура», вторая, ее монолог о работе над книгой о Борисе Эйфмане, — в журнале «Мастацтва».